

Union Street, Looking East, Aberdeen

ДикоDANCE

Привет, дорогой читатель, этого, бесспорно, самого многострадального зина. Это первый выпуск (хотя на самом деле второй, просто название сменилось, да и тематика в целом). Теперь это арт-зин, и его цель - стереть как можно больше рамок легших пластом на этот мир. И хотя наш зин такой же пласт, пусть он будет у тебя в голове. Усёк? Если да, то можешь называть себя диким дэнсером. А если ты не согласен называть себя диким дэнсером, то это делает тебя диким ещё больше.

Вероятно, всё изжило себя, даже этот зин, будучи ещё не написанным, давно изжил себя. Искусство умерло, не приходя в сознание. Но всё имеет свойство перерождаться. Поэтому, бесспорно, новое может возникнуть даже в перегное (таком как ненависть, зависть).

Искренним порождением анти-искусства как импульса является самиздат, он неправилен до противоречив, а от этого виноват. Внимания ему уделено мало. Поэтому действуй мой дорогой друг! Задача всего написанного проста: показаться дерьмом, но дерьмом зеркальным. Именно если это всё вызовет неподдельное отвращение, тебе обязательно захочется сделать что-то самому.

Это не мертвечина, с буржуйской рекламой, не котёл с пропагандой цветных красавиц, это абсолютная противоположность данному обществу, и в тоже время - его олицетворение, его продукт. Это идиотизм, который является лишь оружием для борьбы с ним.

Во время чтения зина может показаться, что его клепали анонимусы. И, да действительно, даже самому автору зина иногда не понятно, что написал он, а что его сосед. А на этот случай есть поговорка:

Цель общая, лишь средства минимизированы.

Большая просьба всем нашим читателям: перед тем как выбросить ведро, сделайте революцию, а когда будите выбрасывать сам мусор, сделайте это максимально безвредно.

А теперь вперёд.

Обратная связь: asshole_parade@mail.ru

Российский трейн-хоп.

Начну с клеше: "Привет мой дорогой друг, сегодня я расскажу тебе о Российских Железных Дорогах. Как путешествовать бесплатно и что тебе необходимо знать для этого."

В этой статье тебя ждет коктейль, взбитый из полезных советов, от мистера усатого железнодорожника.

1) Самый экстремальный вид передвижения железнодорожным транспортом: на грузовых вагонах (в России иногда называют зацепинг, и отчасти это применимо). Да, этот вид распространен на западе обширно и довольно давно. Но у нас он не так обширно прижился как в США. Существует даже отдельный российский фензин, посвященный передвижению таким способом (называется FR8 Upgrade и Failed Upgrade). Секрет этого способа прост: нужно обладать определенной техникой запрыгивания на вагон, причём нужно примоститься и найти станцию, где нет копов и других нежелательных личностей. Запрыгивать нужно, когда состав начнёт свой путь. Минусов у этого способа довольно много. На многих станциях таких путешественников быстро отлавливают. Проехать так, я бы рекомендовал побочно (то есть в совокупности с автостопом и т.д). Так же не все вагоны удобны для трейн хопа. Их надо отыскивать, тщательно выбирать. Кстати, если вам интересно, то при отлове штраф составляет 100 рублей (В 2011 про это даже показывали сюжет в новостях по телеканалу Россия). Но, как известно, законы в нашей стране меняются (возможно, даже и этот переменялся), а милиционеры (полицейские) как воплощение мирового абсурда могут и поугарать, приписав вам что-нибудь ещё.

Советы:

Во-первых, четко разметьте маршрут путешествия, перепишите расписание движения пассажирских поездов, электричек по всему маршруту. В наше время для этого не нужно быть подозрительным типом, в сером плаще, переписывающим в блокнот расписание со стенда станции. Всё просто: интернет. Так же примените все свои способности в области картографии и составьте схему или перепишите в столбик названия более или менее крупных станций входящих в ваш маршрут.

2) Способ подсадки. Быстрее всего добираться, выбрав попуткой локомотив пассажирского поезда. Договорится с машинистом сложнее, НО это сэкономит ваше время (они ходят по графику, обгоняют все грузовые поезда, делают меньше остановок) и это уберезит вас от ночевки в "неизвестно где" (об этом ниже). Не бойтесь

подходить к локомотивной бригаде, если не повезло пару раз, не сдавайтесь и попробуйте вновь. Договорится проще там, где локомотивные бригады сменяются(как правило поезд стоит на таких станциях не менее 10 минут, как я и говорил не поленитесь и составьте расписание).к бригаде можно подойти когда она уже находится на локомотиве, но я бы посоветовал до этого. За пару минут до прибытия, подойдите к концу платформы, где будет находиться голова поезда, там вы и заметите бригаду. Имейте в запасе пару историй, но правдоподобных, конечно же. Меняются бригады каждые 250-350 км. Не стесняйтесь попросить, чтоб взявшая вас бригада замолвила за вас словечко перед следующей.

Советы:

Если с пассажирским не получилось, остается грузовой. Как правило, в крупных населенных пунктах грузовые станции находятся поодаль, возможно в пригороде. Где их найти знает каждый усатый железнодорожник, вам только стоит подойти и спросить.

Найдя грузовую станцию, ищите состав с прицепленным локомотивом, как правило, такой поезд уже готовится на отправление. Уточните у бригады куда она следует, в противном случае вы окажетесь совсем не там, куда мечтали попасть. при выборе поезда отдавайте предпочтение более длинным составам(они делают меньше промежуточных остановок, так как помещаются не на всех станциях).

то, что "ниже".

грузовой поезд по сравнению с пассажирским отнимет у вас уйму времени (за 12 часов вы преодолеете не более 300 км в лучшем случае),в случае "затора" существует практика оставления состава на маленьких станциях, где кроме электрички ни что не останавливается. поэтому, если у вас нет желания застрять посреди ночи непонятно где, воспользуйтесь моим советом и изберите локомотив пассажирского поезда.

Удачного вам путешествия! С любовью, ваш Мистер Усатый Железнодорожник.

Раздел :ПРОЗА

Кирилл Беспартийный

Когда я появился на свет - на меня выдали свидетельство о рождении: без него я не существовал бы официально. Затем на меня выдали страховой полис, без которого я не мог бы получать лечение. Всю последующую жизнь придётся крутиться в амбулаторных картах, анализах, направлениях, деньгах и прочих бумажках. В школе и детском саду нужны тетрадки, блокноты, дневники. Потому нужно получить паспорт, что бы быть официальным гражданином этой страны и пользоваться её услугами. Получить страховое свидетельство и трудовую книжку, что бы оформили на работу и накопления шли в пенсионный фонд. Получить ИНН, что бы налоговая имела налоги с моих доходов. Получить Военный билет, отдав долг родине или же откосив от него, а через военный билет затем получить Визу, что бы могли принять в других странах. На работе нужно вести тысячу отчётов. Получить пенсионное на смертном одре, чтобы на пенсии доживать свою жизнь. Когда я умру, на меня выдадут свидетельство о смерти. Нужно будет оформлять тысячи бумаг на наследство, квартиру и прочие посмертные веселья.

Миллион бумажек на жизнь одного человека. Целый небольшой лесопарк вырублен.

Не я живу в городе, но город живёт во мне. 24 часа его трубы - мои лёгкие. 24 часа свет его фонарей - мои глаза. Он движется во мне тысячами людей, он рисует снегом во мне спокойствие, он вышивает тьмою во мне одиночество. Пустынные улицы ночного города - моё пристанище. Я никуда от него не спрячусь, другие города не поглотят меня, так как он. Его деревья растут во мне, его архитектура живёт во мне. Лишь смерть выплюнет его из меня, и я жажду её с нетерпением. Город безумен и жесток, и я, пожалуй, больше люблю девственную природу... но я уже обречён...

В то время как я лежу в луже крови со сломанными пальцами - чувствую себя обновлённым. Пряди волос слиплись от крови. Улыбка блуждает на моих губах и в моих глазах. Радость действительности наполняет все фибры моей души. Знать что пронзительная боль добавляет тебя в список живущих - самая из невероятных истин на планете... высшее благо для человека эмоционально обеднённого. Я пытаюсь насвистывать песенку захваченный этим внезапным потоком радости, но сломанный зуб в моём рту мешает мне делать это. Сплёвываю на землю рядом со мной. Смотрю, как грязь

смешивается с жёлтым зубом и кроваво-красной слюной. Ах, как хорошо! Теплота наполняет моё сердце... или это просто кровь из брюха начала промачивать свитер на груди. Помутнение моего рассудка не даёт мне понять, сколько я уже лежу здесь. Час? День? Год? Или может всего пару секунд. Не осознаю. Но уже осознаю что вселенная, касаясь моего тела, начинает впускать в меня свою пустоту и забирать разум. Боль пропадает. Я начинаю проваливаться в забытьё...

Тут пронзительный крик пробуждает меня! Девушка с голубыми глазами и русыми волосами смотрит на меня сверху. Её дрожащие пальцы прикрыли широко раскрытый рот, который застыл в немом крике. Видимо её голос пропал и теперь блуждает где-то в границах её сознания. Её маленький лоб и миловидное личико, не в какое сравнение не идут с моим лицом: заплывшим, кровоточащим и ртом полным раскрошенных зубов. По ней видно, что она хочет убежать, но пересиливает это желание. Всё так же дрожащие пальцы начинают искать телефон в сумочке. Она произносит...нет, она постанывает что-то типа: "Вас спасут. Вам помогут". Её остекленевшие глаза тупо смотрят на меня. Она роется в сумке уже автоматически. Видно, что она совсем не осознаёт происходящего. Я пытаюсь протянуть её руку, но боль нестерпима. Пытаюсь. Пытаюсь. Кажется... кажется, по всему телу бежит холодный ток. Мне спокойно и легко. Никакой боли. "Не стоит... я уже спасён..." - я не могу понять произнесены ли слова или же я просто подумал их. Ничего.

Я проникаю в низ своего тела. Я проникаю сквозь сырую землю вниз. Я и есть земля. Я есть всё. Ощущение падения, я уже не чувствую своего тела. Легко, невесомо я падаю, а вокруг тьма. Я знаю, что падение будет долгим. Последнее, что я слышу - это без эмоциональные, приглушенные слова: "Вам помогут..."

Кажется мне что после смерти нет ни рая ни ада. Разве погружение разума отделившегося от тела в первоначальную, первородную любовь (Любовь существа создавшего) не является мучением для его грешной души? Все его злодеяния, конечно приглупейшие, там не учитывались бы и были бы изначально прощены. Увидев сие, именно чудо: его, представлявшего себе самые мерзкие мучения и самый страшный суд, его принимают как равного себе, как брата, - горести его не было бы предела. Он счёл бы это незаслуженным подарком и в тот же час на него обрушились бы самые прискорбнейшие муки - муки совести. Груз его вины давил бы на его согретое теплотой сердце. Мучение же его длилось бы соизмеримо его виновности - до тех пор пока он сам не простил бы себя. Это самый честный и самый гуманный способ из всех мук что можно себе представить, а вместе с тем и самый правильный.

Но как же с теми, которых называют "Бездушными"?, - спросите Вы, - ведь их душа не дрогнула пред самыми из ужасных грехов.

Но нет разума в закромах которого не осталось ни единого светлого чувства, которое теплилось где-то на самом самом дне, заваленное и залитое самыми мрачнейшими мыслями и позывами. Но и они, будто воробьи от нападения кошки, разлетятся в разные стороны едва прикоснувшись к безграничной и необъятной любви и печален будет стон познавшего содеянное им и прощённым за это...

Александр Дандан

Сидящий слева от стола поспешно заволновался, выставляя на публику свой глупый вопрос, гнетущий его уже довольно долго.

-А кто я в сущности такой? Что олицетворяю? Как действую? И способен ли мой организм существовать вне людского процесса?

Сидящий за столом слегка привстал, и, подняв стакан вверх, осушил его до дна.

-Ты есть то, что тебя окружает. Ведь ты, как никто другой, сам вправе сказать, кто ты.

Посмотрев на пустой пакет, спросивший заметил теснившуюся эмблему супермаркета, и подождав несколько секунд хрипло пробормотал:

-Я про... продукт...

--

Тёмные клубы дыма поднимались в небо. Облака будто свёртывались, наращивая в геометрической прогрессии свою скорость. Звуки пронизывали отсыревшие кости солдат. Поле битвы, тысяча смертей, тысяча жизней. После сражений

солдат решил отправиться к самому умному полководцу, который всегда был готов объяснить и растолковать любой фрагмент их жизни. Войдя в зелёную палатку, отдав честь и поприветствовав полководца сказал:

-У меня огромная дилемма, я не могу разобраться. Зачем мы здесь?

-Я смотрю, сынок, ты не подвержен логике. Как ты можешь не понимать самую суть мира, суть противоречий, которые лежат в людях. Жизнь эта борьба, и если ты хочешь жить, то необходимо сражаться.

Солдат выйдя из палатки, пройдя около десятка метров, остановился. Он повис над куполом цирка, созидавая тысячу принудительных выстрелов в его голову. Акробаты и циркачи удивлялись его становлению, ведь оно не было запланированным. Спустившись с купола через несколько часов, он обнаружил, что кровь с его головы стекает прямо на приглашение в цирк, валявшееся на мокром асфальте. Один из клоунов подняв билет, протянул и сказал:

-Вот, возьми, он твой.

Сел я как-то, получается, в автобус. Злой по натуре, или может быть, притворявшийся кондуктор заметил сразу моё, пусть хоть и славное, но жаждущее авантюры лицо. Он мигом взял свою сумку и быстрым шагом подошёл ко мне. Я медленно протянул ему купюру, с достоинством 15 рублей.

-Так. Ну, это понятно, а где 15 рублей?

-Ну, так вот они, у вас в руках.

-Так это уже мои, получается, 15 рублей, а мне нужны ваши 15 рублей.

-Ну, так мои деньги у вас в руках, они были когда-то моими, а теперь стали вашими.

-Это я понял, тогда что у меня делают эти 15 рублей в кармане.

-Ну, они были, чьими то, а потом стали моими, а потом вашими, потому что я положил их вам в руку.

-Не дурите меня! Я знаю, что эти 15 рублей мои, а где же ваши, скажите мне???

Так мы долго спорили, пока я не вышел из автобуса. Пройдя мимо заснеженного канализационного люка, я опять наткнулся на кондуктора, он пожал мне руку, и спросил:

-Почему если я кондуктор, я женщина?

Невзначай подумав, я ответил.

-Всё просто вы кондуктор, потому что деньги ваши.

-Ну, тогда это меняет дело.

-Ну, тогда до встречи

-До встречи.

Так мы попрощались и сели в автобусы. После этого я ещё много раз встречал этого кондуктора, но не здоровался с ним, пока он не стал автобусником.

Дневник.

1-5 лет

Ничего не соображаю, туп как debil, но мал, и от этого простителен окружающими.

5-7 лет

Менее туп, могу запоминать и членораздельно говорить. Всё также среднестатистичен для своего возраста, но более индивидуален, нежели в первом периоде.

7-12 лет

Увидел сиськи по телевизору, поиграл в приставку (вполне универсально- удовлетворился) всё остальное время проживается в ожидании прожитых вещей. Каждый день скуп, но от этого не менее дорог, и добр.

13-17 лет

Внутренности обросли обхарканными подъездами. Теперь чувства более разнообразны, но порой более не выносимы. Беззаботная, правда. Растительная желчь. Отведал анестезию. Удачно выпотрошен. Гложет стремление приобщиться к чему то, примкнуть к группе или новообразованию, медовой опухоли среди червивой гнили. Половой акт.

18-20

Поумнел, оброс мыслями, подстригся. Одинок даже в самой душевной компании. Душевен в своём одиночестве. Горд. Стремителен, но уже подавлен. Нахождение баланса во взрыве. Взрыв. Пепел. Понос.

20-30

Предельно сконструирован. Оформился. Всё так же юн. Самообман. Самоподарок. Вежлив, ращу цветы, периодически их выжигая. Первый успех. Самообман. Время всё ещё ничто, но оно медленно начинает идти в обратном направлении.

30-60

Живу, готовясь к смерти.(см. цикл 1-5 лет)

60-80

Умирая, готовлюсь к жизни (желательно новой).

Алексей Арнаут.

Рождение. (Бессмысленность человеческого существования)

В темноте, без звуков и запахов, я бессознательно почувствовал руку, коснувшуюся моего плеча. Мгновение, и всё моё тело начинает встряхивать одним машинальным движением. Я проснулся, в глаза попадал свет, пристально ослепляя. Увидев несколько человек в военной форме, я мгновенно пришёл в трезвое состояние, и молча начал цепенеть от ужаса. Пытаясь хоть как то упорядочить факты, я искал самый мельчайший намёк или объяснения того, что случилось. Я пристально рылся в своём воспалённом мозгу, и начинал понимать то, что нахожусь в абсолютном неведении, так как не могу найти хоть что-то, указывающее, как и на данную ситуацию в целом, так и в общем, на мою жизнь. Я не мог вспомнить ничего, что происходило со мной за день, год, месяц до этой минуты. Прошлое испарилось, словно вода, даже не указывая на то, что когда-то ещё существовало. Кучка военных стояли возле меня и, перешёптываясь, пытались уловить мельчайшую черту в моём поведении, над которой можно посмеяться. Разговаривая, они вскользь обсуждали свои планы, с изрядной периодичностью посмеиваясь надо мной. Я начал рассматривать помещение, в котором мне довелось роль находиться. Оно было похоже, скорее, на какой-то длинный холл, с каменными серыми стенами и стоявшими по всему периметру колоннами. Странная, пришедшая в запустение постройка, была не чем иным как складским помещением. Потолки находились на огромной высоте, и виднеющиеся в самом конце стены окна, едва ли могли освятить всё помещение, из-за чего на потолке и висел огромный металлический каркас, с которого свисало полтора десятка ярких прожекторов. Мышцы невозмутимо очерствели и издавали ужасающую боль. Вероятно, это случилось из-за того, что моё тело находилось в лежачем положении на бетонном полу довольно долго, но точно утверждать этот факт мне мешает абсолютное неведение произошедшего. По разную сторону от меня находились множество людей, которые, по видимости, тоже были взволнованы случившимся, и подобно мне ссылались на недомогание, провалы в памяти, невыносимую боль, истощавшую всё тело. Через несколько минут в помещении поднялся протяжный гул, который с каждой секундой только нарастал, превращаясь в плотный шумный ком. Люди невольно начали обмениваться друг с другом пару-тройкой фраз, и вот уже все находящиеся тут по обе стороны от меня, изнемогали от панического состояния. Меня окликнул человек, лежащий слева. Обильно жестикулируя, он начал кричать, обращаясь ни то ко мне, ни то к солдатам, ни то ко всем присутствующим.

-Что я здесь делаю? Отпустите, отпустите меня, я ни в чём не виновен, ни в чём! Как я здесь оказался. Что это за дрянь такая!??

Бросив на меня, словно ставший чем-то обыденным взгляд, который в одночасье стал его лицом, повторил свою фразу несколько раз. Один из солдатов подошел к нему, и, взяв за рукав, нашептал что-то на ухо. Человек незамедлительно успокоился и, свернувшись калачиком, рухнул на пол и замолк. Теперь в его взгляде совершенно не проглядывались даже мельчайший намёк на страх. Скорее он был похож на человека смиренного и признавшего то, что жизнь была для него лишь мгновением. Я молчал, слушая отголоски разных голосов, которые с каждой минутой плавно утихали. Я посмотрел на свои руки, на пальцы, кожа которых выглядела отсыревшей, как после длительного пребывания под водой. Взглянув на других людей, я поймал себя на совершенно удивительной мысли. Все находящиеся в помещении люди, как две капли воды были похожи друг на друга. Черты лица, тонкие руки, побледневшая кожа, и совершенно неизменный, признавший, казалось бы каждую нелепость в этом мире взгляд. Ощупывая свою голову, я уяснил для себя, что на широком, пористом, бледном лице, запечатлелся тот же самый злосчастный взгляд. Эта маска пронизывала все без исключения лица. Лишь лица солдат олицетворяли в себе придельную умиротворённость.

Через некоторое время, в дальнем углу холла послышались какие-то странные звуки, похожие, не то на гул какого-то громадного мотора, не то на жужжание газовой трубы. В одночасье дверь, которую я поначалу не заметил, отворилась. Из неё вышел солдат: человек лет двадцати пяти - тридцати. Он подошел к своим поделенькам, резкими, отрывистыми шагами, окинув взглядом огромную толпу. Доложив что-то, он взял ружьё, и громко сказав, что нам всем нужно встать и пойти за ним. Солдаты начали группировать людей на выход. Нас повели через продолговатые коридоры, спуская вниз по сваренным из стали лестницам. За всё это время я не проронил ни слова. Я совершенно не понимал ничего происходящего, как будто реальность стала второсортной, и лишь глубины моего сознания заставляли жить, противясь здравому смыслу. Через несколько минут мы вышли к стальной двери, за которой находилась огромная зеленая чаща леса. Нас отвели и поставили в ряд на сырую, пропитанную росой поляну. Солдаты медленно брали за плечи каждого и ровно ставили каждого напротив свежeverытой глиняной ямы. Через несколько минут, когда все уже стояли в необходимом порядке, в чащу подошли ещё с десятков солдат. Один из них в дальнем правом углу давал сигнал, и людей по очереди начинали расстреливать и закапывать в ямах. Время как будто потеряло свой вес и перестало быть мерой. Время стало самой целью, и каждая секунда увеличивала скорость биения сердца. Сам процесс исполнялся солдатами второпях, и порой оказавшаяся не глубокой яма, ещё высвечивала человеческий облик. Незадолго до того, как я бросил взгляд на ружьё стрелявшего возле меня солдата, в один миг боль пронзила меня острой бритвой. Услышав выстрел, я невольно упал в яму без всякой на то предпосылки. Упав на спину мои руки, очутились на животе. Вот и всё. Так просто, как устаревшее тряпье похоронен мой прах. Черновик стал законченной рукописью.

Когда моё тело начали забрасывать землёй, я с удивлением обнаружил, что я всё ещё жив. И пытаюсь сохранить спокойствие, я медленно дышал, жадно захватывая клочки воздуха. Моё тело забросали землёй так, что ещё пару минут, воздух спокойно мог поступать в мои лёгкие. Пытаясь продержаться как можно дольше, я задерживал дыхания, надеясь лишь на то, что если же выберусь, солдаты уже уйдут. По прошествии пяти минут, я начал понимать, что ужасно задыхаюсь, а земля, лежащая перед моей головой, начала кусками заваливаться в ротовую полость. Я начал двигаться, чтобы разгрести всю землю вокруг меня. Наконец выбравшись и вдыхая максимум воздуха в свои лёгкие и, протерев глаза от земли, я увидел, что всё окружение приобрело совершенно другой оттенок.

Камень

Лежащий здесь, посреди городских черт улицы, созидаю я малейшую подвижку панорамы окружающего мира. Сам бездонен и пассивен, лишен любого данного природой действия. Но я, как никто ощущаю любое дуновение, расплывающегося передо мной ветра, я, как никто, слышу любой человеческий стон и движение, каждую минуту жизни земли, превратившуюся в страдание. Выточившее моё обличие окружение, влило едкими свёртывающимися кусками крови в меня, всё надменно отмирающее. Время. Гниль прошлого, запрет будущего, запрятанные во мне столь глубоко и лихо, что взглянув на меня, сложно сделать какие-нибудь конкретные выводы, столь неблагодарному человеческому глазу. Но именно это даёт мне преимущественное величие среды, в которую я облачён. И пусть даже среда есть не что иное, как низменность среди черноты, именно я есть воплощение любой категории жизни, и я не склонен к любым переходам. Я есть то, что я есть. Я нахожусь в душе.

Обед.

Пленительный свет июльского утра застилал зелёный ландшафт распустившегося города. Было около десяти часов утра, и автомобильный поток уже стал менее активным, чем час назад.

Возле маленькой чащи виднелась узкая, глиняная тропинка, протоптанная подряд уже несколькими тысячами людей. Сквозь чащу вдали проглядывала городская свалка, которую едва можно было различить под аккуратно огороженной территорией.

В нескольких километрах от неё, совершенно в противоположной стороне стоял городской пивоваренный завод. А тропинка выводила напрямик на главный вход самого большого университета города Холст.

Это здание занимало четыре тысячи квадратных метров, и при тщательном осмотре можно было с уверенностью сказать (видимо по разнящимся кирпичам, так же по разным строением коридоров и пожарных лестниц), что здание строилось в несколько очередей.

Сегодня довольно памятное событие для всего университета, ведь именно в этот день суждена состояться выдача дипломов выпускникам гуманитарных специальностей.

Пришедшие учителя и ученики были одеты по всем правилам этикета, и их невольно наигранный вид счастья создавал необычную праздничную атмосферу, какую только может дать человеку социальный институт. Актный зал, в котором проводилось вручение дипломов, казалось, был доверху полон.

Были и родственники выпускников, и друзья, пришедшие на них посмотреть, и даже рядовые работники университета, совсем не связанные с обучением. Так или иначе, студентов мужского пола было не так много, и это преимущественно было связано с военным призывом, которому они подлежали.

Поэтому пришедшие сюда, просто-напросто не боялись этого самого призыва (из-за каких-то серьёзных связей в военной среде, которыми можно было благополучно воспользоваться, либо просто в силу своего характера, либо из-за того что не прошли по состоянию здоровья). И таким образом, все в помещении, думали о будущем. Даже учителя, словно самые мечтательные рабочие на фабрике, думали о судьбе своих изделий. Но как не старались наворачивать слезы, наблюдавшие и участвующие, вся феерия смотрелась, по меньшей мере, не убедительной.

В центре сцены стоял ректор университета, и по очереди зачитывал имена всех, получивших диплом. Выпускники выходили на сцену, пожимая руку ректору и всем сотрудникам деканата факультета. После того, как ректор зачитал тридцать второе имя в списке, на сцену вышел Филипп Эрнст. Он был худощавого телосложения, почти от рождения сирота.

Во время обучения был особенно противен всему коллективу. Ни с кем не общался, ни для кого не представлял особого интереса. Даже чувство юмора имел своеобразное. Был невзрачен своей внешностью, но в его чертах лица было что-то прямолинейное и правдивое для того, что бы назвать его уродливым. Был он так же вполне умён, довольно адекватен, чтобы казаться радостным в такой судьбоносный для многих момент, но слишком узок, и сильно зажат в рамки, чтобы сюда не прийти.

После получения своего диплома Филипп, не дожидаясь поездки в ресторан, выпил пару рюмок шампанского, которое раздавали перед отправлением в актовом зале, затем занял 50 рублей у своего одногруппника и пошёл в комнату общежития. Вахтёр тут же объявил, что по приказу ректора университета, он должен оставить свою комнату через пять дней.

-Хватит ломать комедию, послушайте, за пять дней я не смогу найти другое жильё или работу. А пособия едва хватает на еду!

-Извините, но таков уж приказ ректората, тут бесполезно спорить. Но вы могли бы остаться жить за символическую плату, думаю, учитывая ваше положение, к вам просто обязаны прислушаться.

На это он ничего не ответил, лишь засмутился, когда вахтёр взглядом намекнул на его бедственное положение.

Выйдя из общежития, Филипп вынул из кармана пятидесяти рублёвую купюру. Взяв её, он пошёл в ближайший магазин и купил два выпуска газеты: «Работа сегодня». Вернувшись назад в комнату, он, обнаружив карандаш, начал выделять объявления о приёме на престижную и высокооплачиваемую работу. Вся процедура заняла около получаса. Затем взяв телефонную трубку, он начал медленно, словно проводя каждую цифру через себя, набирать номера работодателей. Отзывались разные голоса, совершенно разных людей. Все они спрашивали общие вопросы, которые только и можно спрашивать для приёма на работу.

-Специальность какая? Есть ли опыт работы?

-Специальность гуманитарная. Опыта работы нет

-Извините, но вы нам не подходите.

К сожалению, не один из них не изъявил желания увидеть Филиппа на собеседовании. Тогда, тщательно посмотрев газету, Филипп начал отмечать работу со средним окладом труда. Прделав процедуру с телефонными звонками ещё раз, он отбросил газету в сторону и взглянул на окно, выходящее на улицу.

Лето всё больше, с каждой секундой заявляло о себе и, будто неизлечимая болезнь, откладывало во всём теле отпечаток своего воздействия. Глубоко вдохнув, Филипп всё же собравшись с силами, вернулся к просмотру газеты и отметил самые, что ни наесть, низкооплачиваемые занятия. С самого начала он заметил одно блеклое объявление с совершенно нелепым названием. В объявление было курсивом выведено: «Требуется проводник для башни часов, оплата труда соответствует прожиточному минимуму, социальные гарантии, удобный график. Опыт работы не требуется».

Вскоре набрав номер и, поговорив с каким-то хриплым старцем, он договорился прийти на собеседование.

День уже почти заканчивался, и Филип решил выйти на улицу и прогуляться.

«Вот она жизнь, и сейчас она более реальная и свободная, чем когда-либо, но вероятно свобода это обреченность, а реальность - смирение» - думал он. «Вот они искусственно созданные коммуникации и общественные роли. Сложно тешить себя надеждой стать кем-то ещё. Жить сейчас, значит едва ли не больше, чем приспособиться» .

Прейдя к себе в комнату, Филипп попытался заняться обустройством быта. Он несколько часов убирал комнату, вещи, переставлял те или иные предметы интерьера, складывал книги. Нет, делать это было совсем не обязательно, да и сам он запомнился окружающим, как очень чистоплотный человек, что бы убираться так долго, словно он занимался переездом.

Но дела обстояли совсем наоборот, он никуда не собирался, а лишь пытался хоть как-то, пусть и вторично изобразить заинтересованность и вовлеченность в жизненный процесс. Он требовал от вещей своей прежней функциональности, сущности. Но погода давно поглотила всё, включая вещи и предметы первой необходимости, с особыми усилиями выжигая ещё спелые внутренности.

После уборки Филипп прилёг на кровать, попытавшись заснуть. Долго ворочаясь, он пытался уцепиться хоть за что-то, отдалённо напоминающее усталость. Когда он взёрошил кровать так сильно, что лежать было невозможно, он с гневом

поднявшись, подошел к холодильнику. Открыв его, он вынул все продукты питания, которые в нём находились. Есть не хотелось.

Он насильно запихивал в себя куски засушившегося хлеба вместе с плавленым сыром. Само действие слегка успокаивало его. Голова ужасно болела, судя по всему, из-за поднявшегося атмосферного давления. Порой казалось, что было слышно, как кровь приливала к голове, медленно пульсируя в такт с жевательными движениями. Появлялось ощущение, что в мозгу формировались тысячи мыслей, все они безудержно орали, но не возможно было полностью понять, хотя бы одну из них. Через некоторое время он вернулся в кровать и, пролежав там ещё четверть часа, заснул.

Встав днём, Филипп вспомнил о том, что ему необходимо явиться в военкомат. Под военный призыв он не попал, здоровье у него никогда не было идеальным: по наследству ему передалась мраморная болезнь. И вот ему необходимо было забрать военный билет. Существовало одно не гласное правило, что любой уважаемый работник должен обладать документом подобного толка, иначе невозможно будет трудиться на любой престижной, и высокооплачиваемой работе.

Зайдя в военкомат, Филипп совершенно никого не обнаружил, и пристав с расспросами к какой-то мелкой служащей, получил вполне вразумительный ответ.

-Сегодня военные билеты не выдаём. Выдача производится по вторникам и четвергам.

-Так сегодня же четверг!!

-Да, но сегодня очень важная планерка, которая проходит раз в два месяца по вторникам и четвергам.

-Ха! А если я пройду в следующий раз во вторник, планерки не будет??

-Вот этого, увы, я не знаю, планерки назначает начальство, и порой довольно хаотично, так, что они могут идти подряд, а могут стоять в начале и в конце месяца. В принципе, они даже не всегда по четвергам и вторникам проводятся.

Ухмыльнувшись, Филипп вышел на улицу и выбросил туда же своё тело. Девушка показалась слишком милой и добродушной, для того чтобы вылить на неё своё недовольство. И, действительно, было вполне рационально полагать, что она не особо виновата в принципах работы её начальства. Так или иначе, Филипп приступил думать о своих будущих действиях.

Сегодня было назначено собеседование. Старикан сказал, что Филипп может прийти в любое дневное время, чтобы ознакомиться с тем, что нужно делать. Он так же добавил, что работа не сложная, и что если он согласится, то может приниматься уже на следующий день. Оклад был небольшим, но голос сказал, что может выдать заранее его часть. Так что положение дел было не так бедственно, и пусть даже это была ручная, а от того, кажущаяся современникам второсортной, работа, она всё равно давала определённый опыт и навык. Правда, в чём состоит суть занятия голос так и не смог объяснить.

Оказавшись на улице Строительной, Филипп смог сразу же лицезреть часовую башню. Это было довольно массивное строение, заметно выделяющееся на фоне остальных зданий, расположенных на этой улице. Вся башня была увешена в рекламных плакатах разносортной продукции, а в середине самой башни был прикреплён огромный монитор, который показывал рекламу с заядлой периодичностью. На самой же вершине башни лоснился небольшой циферблат, который олицетворял всю суть строения (т.е её изначальную суть). Оказавшись внутри, Филипп сразу увидел, насколько это здание дрябло и старо.

-Этой башне уже около ста пятидесяти лет. Десять лет назад её хотели отреставрировать, пока местный предприниматель не выкупил её. Он отреставрировал её на современный лад, побелил и обделал пластиком его изнутри.

-А внутри?

-Внутри всё осталось прежним, что и сто пятьдесят лет назад.

-И зачем же она ему нужна, эта башня?

-Он, в основном в ней обедает. Ниже помещения, в котором расположен весь механизм, находится небольшая комната, которая изначально очень понравилась хозяину. Каждый день, он приезжает сюда со своего рабочего места и обедает. Из окна в комнате можно увидеть прекрасный пейзаж. Но, это, по большому счёту не так важно. Прибыль же получает башня за счёт рекламы. А теперь пройдёмте наверх, сейчас я покажу, что вам нужно делать. Кстати, я Николай Борисович, я работаю здесь уже двадцать лет, и слежу за работой механизма часов.

Старик показался Филиппу вполне добродушным и правдивым и даже чрезмерно умным, но в нём проглядывалась излишняя покорность, так, что наверняка он мог бы принять любой устойчивый и лживый парадокс за чистую монету. Такой человек как он, явно страдал недостатком общения, часто проявляющим себя в старческом возрасте. Поэтому он высказывал вслух любую мысль, какая только возникала в его голове. Старик выглядел одиноким: облысевшая седая голова, дряблая свисающая кожа в виде щек. Хрустящий звон сырых костей был сильно замечен при передвижении, а также небольшие круглые глаза, которые придавали всю добротность этому до боли странному, но в целом привлекательному лицу.

Поднимаясь по лестнице, Филипп увидел коричневую дверь

- Это та самая обеденная комната?

- Да, совершенно верно.

- А нельзя ли в неё пройти, посмотреть, что к чему?

- К сожалению нет. Сам я был в этой комнате десять лет назад. Потом вместе с покупкой башни, владелец закрыл комнату от входа посторонних. И хотя, вероятно, в мои обязанности входит смотреть и за этой комнатой, я всё же очень дорожу своим положением, чтобы высказать это хозяину.

- Понятно. А в чём....

Тут старик его перебил

- Впрочем, стол этой комнаты легко увидеть в часовой через дырку в полу, отверстие расположено как раз на том месте, где вам предстоит работать. Остальную же обстановку остаётся только додумывать.

- Я хотел спросить, в чём собственно заключается моя обязанность? Я так и не понял, что означает проводник.

- Ой! Я уж было совсем заговорился, пройдёте в часовую, я вам всё подробно объясню

Старик открыл чахлую дверь, которая, казалось, еле-еле держалась на петлях. В помещении блекло горел свет. Николай Борисович отвел Филиппа в предполагаемое место работы.

- Вот! Всё что нужно делать, это, по факту служить живой веревкой, живым проводником между двумя канатами.

Старик показал два каната лежащие по разные стороны, на которых были своеобразные крепление, очень сильно напоминающие наручники или кандалы.

- Вот вы одеваете эти крепление на запястья, встаёте сюда, и стоите, пока канат...

- Растягивает?

- Хм, ну, не думаю, что это слово применимо, но оно отображает всю суть. Можете сказать, что два каната растягивают вас. Работа проста и примитивна, разве, что стоять придётся долго. Коллектив хороший, понимающий.

- Как? А разве кто-нибудь ещё есть?

- Нет, только я.

Сказав это, старик нахмурился, прямо посмотрев на Филиппа. В свою очередь белое лицо Филиппа наполнилось каким-то недопониманием.

- Ладно, я же пошутил, что ты так, молодой же!

- Я даже не знаю, что и думать, да и разве нельзя вместо человека использовать канат? Или другой подобный проводник, например металлический, ну, в конце концов, конструкцию, скрепляющую две веревки между собой?

- Вообще, ни одна веревка не может функционировать так же, как человеческое тело. Конечно, можно было соорудить специальный аппарат, но, как правило, для этого потребуется много денег, да и современная наука в совокупности с производством ориентировано совершенно на другую нишу, чтобы выпускать что-то подобное. Так что в первую очередь, для такого вида деятельности проще использовать человеческий труд.

Немного запнувшись, старик добавил.

-Оставайтесь, если вам очень нужны деньги, я попрошу выдать часть зарплаты через неделю. Работать с десяти утра до шести вечера.

Чрезмерная вежливость и доброжелательность старика порядком начала надоедать, и Филипп пообещал по пришествию домой решить этот вопрос и перезвонить.

-Только обязательно перезвоните!

Крикнул Николай Борисович, перед тем как закрыть дверь.

По пришествию домой, у Филиппа была огромная каша в голове. Вся общага давно опустела, и только лишь некоторые люди всё ещё приходили собрать те или иные вещи, чтобы вернуться домой, и повидать своих родных. Настроение было мрачным, но это, вероятно, произошло в результате созданной сумятицы. Филипп в целом был не очень общительным и тихим человеком, поэтому любая подвижка, передвижение мира, ни как не подающаяся объяснению, наносили огромный урон его логике, как бы вставляя лепту в её исчезновение.

Еды в холодильнике совсем не оставалось, в боковом отсеке стоял соус, а внизу же находился небольшой кусок сливочного масла. Через несколько минут, Филипп уже был в соседнем супермаркете. Войдя в него, обстановка мгновенно переменилась. Вместо мрачных, обхарканных луною улиц, он увидел светлый, блестящий кафель, на котором стояли множество стеллажей, с разносортной продукцией. Жаловаться на своё материально положение он уже не мог, да и не зачем было. Он привык жить в нужде, но от этого ему не делалось хуже. Он не жаловался на это, и порой ему даже это нравилось. Нравился непрерывный поиск дешёвых продуктов питания, проживания, проезда.

«По факту всё отравлено ядом. Один продукт мало чем отличается от другого, точно так же как проблемы более экономически обеспеченной жизни от моей. Пусть хоть проблемы другой жизни намного меньше для меня, но в целом они имеют одинаковый масштаб в своих собственных рамках» - размышлял Ф., одновременно помещая в подмышках банку купленной соевой тушенки.

Оказавшись в комнате, Филипп как дикарь начал выбивать крышку банки стальным ножом. Открывалки не было, и порой хотелось схватиться зубами, чтобы хоть как то ускорить процесс. Голод стал таким сильным, что казалось, будто желудку ничего не оставалось, как съесть самого себя. Это пустое, хрустальное чувство ещё можно было выдерживать некоторое время, но после того, как половина крышки откололась, Филипп с жадностью начал высасывать всю жидкость, находившуюся в банке. Он присосался губами к небольшому отверстию, и стал жадно поглощать сырые внутренности банки. Стало немного легче.

И всё же вернувшись к нормальному и спокойному состоянию, он сделал ещё пару ударов, тем самым полностью осуществив открытие банки. Приступив к еде, Филипп заметил, как с его губ стекает кровь. Порез был ничтожным, но сильно кровоточил и стал заметным только сейчас.

После принятия пищи, Ф. взял телефонную трубку и стал набирать номер. Он доложил Николаю Борисовичу, что готов приступить к обязанностям проводника. Радостный голос в трубке сообщил, что ему необходимо прийти завтра в восемь часов утра.

-Будите работать с восьми до пяти

-А могу ли я узнать? Будет ли перерыв на обед?

-Вообще перерыв есть, но всё это зависит от начальства. Порой приходится обедать прямо за работой.

-Понятно! Спасибо, ожидайте меня завтра в восемь

-Приходите. Только не опаздывайте, начальство этого не любит.

Ложась спать, он предварительно завёл будильник на семь часов. Ехать до улицы строительной было не больше получаса.

После того как Филипп встал, он выпил кружку крепкого кофе. Его оставалось совсем чуть-чуть. Со дна стакана ещё разлило крепостью напитка, но живот по-прежнему болел, и болел ещё сильнее.

Наконец, после того, как ему пришлось тридцать минут ехать в общественном транспорте в тесноте, он вышел, дыша полной грудью.

-Здравствуйте! Пройдёте в часовую. С минуту на минуту, рабочий день должен начаться.

-Здравствуйте Николай Борисович!

-Можно просто Борисыч!

-Хорошо, так и буду вас называть.

Тут старик слегка осмелел, и резво добавил.

-Обращайся на ты! Ведь мы всё-таки вместе работать будем, а вежливое обращение только позволяет поддерживать дистанцию.

-Хорошо, спасибо вам...кхх...кхх, то есть тебе.

Старик провёл его в часовую, плотно надел на его руках крепления, а сам удалился.

Поначалу, ничего особого не происходило, только иногда покалывало в пояснице, да и скучно было невероятно. Так что Филипп начал думать о судьбе каждого из своих бывших одноклассников, но уже через час, часовая изобилвала звенящими звуками и с каждым ударом натяжение становилось сильнее, а иногда и вовсе он не чувствовал своих рук. Но к счастью эта процедура была очень короткой для того чтобы оказаться губительной.

Каждый час буквально проживался так длинно, что казалось, прошло целое десятилетие. В конце каждого часа, часы снова били, вышибая все мыслительные процессы, встряхивая, растягивая молодую плоть. И таким образом, эта не приятная экзекуция повторялось с изрядной периодичностью.

После этого сложно было не возненавидеть время. А Филипп уже не просто возненавидел, он презирал.

Был вот уже второй час дня, и когда стрелка с особым безразличием двинулась на ноль, Филипп, зажмурив глаза, напряг мышцы всего тела. Но ничего не произошло. Часы всё ещё работали, Николай Борисович был где-то в стороне, а вокруг было два часа дня. В этот раз, казалось, и время ошиблось.

Вдалеке он слышал звук шагов, медленно идущих наверх. Затем дверь в комнате хозяина отворилась. Начальник с особой осторожностью подошёл к окну, кинул взгляд на стоявший шкаф, и сел за стол. Филипп из всех предметов, стоявших в той комнате, видел только стол. Об остальных вещах, происходивших там, а также о внешности начальника он мог только догадываться. И тот крошечный пейзаж, который можно было уличить, давал ему ещё немного времени, точнее скрашивал время, как нельзя лучше.

Стол был накрыт по всем правилам этики. Все предметы были расположены правильно, сглажено, утончённо. Для каждого соуса была собственная небольшая тарелка. В отдельных, плоских тарелках с золотым орнаментом лежал сыр, порезанный ломтиками. Тарелки были разбиты на сорта сыра. Сыры с плесенью находились с края справа, для сорта маздам, который, по-видимому, очень любил хозяин, было предназначено специальное место: снизу от всех сыров. Главные блюда же, традиционно стояли в центре. Филипп с горечью вглядывался в небольшую дырку в полу. Как ни странно, стол был накрыт, ещё до прихода Филиппа, но на нём, судя по всему, стояла заслонка, которую по приходу в комнату хозяин убрал.

Весь обед занял в общей сложности около часа. Всё это время не один раз это не сопровождалось никаким биением часов. Хозяин ушёл около трёх тридцати. Филипп уже совершенно не мог стоять, он медленно, бесконечно медленно падал в обморок, весь рот утопал в ужасно пахнущей слюне, и создавалось такое чувство, что живот уже начал разлагаться и гнить. Спустя ещё десять минут подошёл Николай Борисович. Радостным тоном он поинтересовался, как дела у Филиппа. Сейчас появление Николая Борисовича только ещё больше взбесило Филиппа. Он долго и назойливо стоял возле него, расспрашивая и утишая, оправдывая столь бесцельные страдания, необходимые для вознаграждения.

-Кстати, сейчас у нас перерыв на обед.

-Хорошо, т.. тогда можешь снять с меня эти кандалы.

-Извини, к сожалению, тебе нельзя их снимать до конца рабочего дня.

-Почему это ещё

-Дело в том, что хозяин наложил на несанкционированный выход с рабочего места большой штраф. То есть обеденный перерыв есть, но покидать рабочее место ты не должен.

-И как я, по-вашему, должен есть.

-Я могу тебя покормить. Что ты с собой принёс?

-Я...я...у меня...у.. нет ничего, не принёс я.

-Ну, ладно это не страшно, я могу поделиться с тобой бутербродами.

Тут Николай Борисович достал из своей сумки небольшой пластиковый контейнер, в котором находилась пара жирных бутербродов. Аккуратно подойдя, он просунул Филиппу один из них, словно осторожно подкармливая в зоопарке дикое животное.

Ни о чём другом Филипп думать сейчас не мог. Он с жадностью поглощал остатки своего бутерброда, а Николай Борисович лишь улыбаясь в ответ, периодически вытирал салфеткой, оставшийся на его губах кетчуп. Николай Борисович, было, предложил ещё один бутерброд. Но Филипп вежливо отказался. Моментально перейдя в сознание, он спросил:

-Кто до меня работал на этой должности? И что стало с ним?

-До тебя был тут ещё один парень, но ушёл, кажется, через неделю.

-Хм... неудивительно.

Часы стали проходить намного быстрее, но вместе с оглушительным звоном, верёвки растягивали молодые, ещё не окрепшие мышцы на две части. Ближайшие полтора часа два звона прошли быстро, но не менее мучительней. Всё тело, все мышцы, каждая клетка, тряслась, в поисках покоя. Но мысль о скором окончании рабочего дня всё же грело. Грела сама мысль существование другого, вполне реального мира, более сладострастного, мира удовольствия и отдыха. И вот без десяти пять, на рабочее место Филиппа пришёл старик. Он медленно начал раскручивать крепления, и говорить с Филиппом.

-Слушай, не хочешь ли ты пойти в кафе, там можно хорошо поесть, да и телепередачи там хорошие показывают.

-Да, я бы с удовольствием, но у меня нет ни рубля.

-Это не беда, я могу тебе одолжить небольшую сумму, а ты мне потом отдашь, как зарплату выдадут. Пойдёт?

-Хорошо, правда, мне не очень удобно.

-Это не страшно, познакомимся, поболтаем. Там в кафе есть отличный кабельное телевидение.

Освободившись, Филипп, попытался хоть как то встряхнуться, почувствовать тело, но оно онемело так сильно, что даже шаги были скорее похожи на шаги протезированного инвалида. Ноги никак не разгибались, спина болела так сильно, что если бы эта боль появилась внезапно, он бы наверняка подумал, что умирает.

Они вышли на улицу. Ветра совсем не было, лишь долгая, знойная жара на закате своего существования. Некоторое время они шли, почти не разговаривая, Филипп едва держал равновесия, шаркая ногами об асфальт. Войдя в кафе, которое было похоже на какую-то типичную автодорожную забегаловку, они присели на тонкие черные стулья, положив руки обшарканный стол. Старик, посмотрев на Филиппа сказал:

-Будешь пиво?

-Да, пожалуй.

После того, как им принесли четыре стакана пива с зажаренной картошкой, они почти молча, бездыханно начали употребление продуктов, несколько минут они ещё переглядывались, смотрели на телевизор в дальнем углу, который рекламировал очередной продукт. После того как старик выпил первую кружку, и немного захмелев, начал беседу:

-Как тебе работа? Знаю что тяжелое занятие, но дело привычки. Помнится молодым, я тоже не мог долго привыкнуть, хотел бросить всё, устроиться на другую работу, уехать, переменить всё, что только возможно. Но сейчас, да, пожалуй, сейчас это только что осталось. Будущее уже никогда не будет таким, каким оно было десять лет назад. Свобода и стабильное проживания противоречат друг другу.

-Ну и почему же тебе, старцу, нужна эта стабильность, тебе же совершенно нечего терять?

-Я не могу согласиться со свободой, меня страшит неизвестность, страшит моя мелочность. И самое ужасное, что даровано мне - это осознание. Я осознаю, как всё это выглядит в комплекции, но нельзя, нельзя ничего не изменить. Понимаешь?

Филиппу его слова показались немного наигранными и банальными. Они были лишены, какой то твердости, но приукрашены особой интонацией.

Допив последний глоток со дна стакана, Филипп сказал, что ему необходимо идти домой. Он попросил у старика денег в долг, и отправился в общежитие.

Он сел на последний автобус, идущий к его общежитию, и через силу пытался не заснуть, смотря на проплывающий мимо пейзаж.

Зайдя в комнату, ему едва ли хватило сил на то, чтобы поставить будильник. Далее сон.

Утро. Некоторое время Филипп не мог подняться с постели. Левая рука онемела, и совсем потеряла чувствительность, костей на спине будто бы не существовало, они обвисли, съёжились, потеряли любое свойство, совсем недавно им принадлежащее. Долгое время Ф. просто не мог встать с кровати. Перевернувшись на другой бок, он только понял, что физические возможности явно уступают потребностям внешнего мира, и что работать дальше будет очень сложно. Но другого выбора не было. Нельзя было опять оставаться одному, нельзя было оставаться без дома. При размышлении о вариациях своего будущего, он неоднократно наткнулся на мысль о том, что фактически всё дальнейшее существование кардинально зависит от выбора, в который он поставлен. Поднявшись с постели, он попытался как можно скорее одеться.

Выйдя на улицу он подошёл к остановке, где уже стоял необходимый автобус. Он прибавил шаг на сколько позволяло это ему его состояние, и догнав уже почти уезжающий автобус, впервые за несколько дней сел на свободное место. Облегчение наступило незамедлительно, смотря на кроны деревьев, Филипп лишь судорожно размышлял:

«В выборе, пожалуй, человек свободен. Хотя нет, он обречён на выбор, точно так же обречён на жизнь. Он лишь вестник мнимого существования, контролёр собственной жизни, но он конечен, безвластен над своим контролем. Что ещё ждёт меня? Я не знаю, но я упорно бесконечно строю планы, планы открытия дверей, которые никуда не приводят. Не привели меня и в этот раз»

Каждый метр дороги он знал наизусть, как и знал весь этот город. Даже закрыв глаза, он мог отсчитать маршрут в голове, и по слуху мог обнаружить те, или иные участки дороги. Но он очень старательно, при каждой возможной поездке, смотрел в окно, совершенно бесцельно пытаясь выяснить, что переменялось в ландшафте за всё это время. Но раз за разом перемен находил он всё меньше, и тогда он начинал смотреть на мелочи, на то, что раньше мог проглядеть, или упустить из виду.

Доехав до нужной остановки, Филипп вышел. Издали он увидел ту же самую башню. Она всё также сильно выделялась по виду от других строений, но только сейчас Филипп понял, что выделялась она только преимущественно архитектурно, из-за давнего построения. Она была словно укутана фольгой и покрыта пластиком. Внутри же всё с каждым днём, только, по-видимому, прогнивало. Но для сегодняшнего времени изнутри здание смотрелось вполне концептуально.

Войдя, внутрь Филипп совершенно никого не обнаружил. Башня была пуста, а входная дверь даже не закрыта. Наступило 8 часов, и в часы начали бить. Филипп предварительно дождался окончания этих протяжных и гулких звуков и поднялся наверх. Во всей башне он никого не нашёл. Филипп решил проверить кабинет начальника, но дверь была

заперта. Панически предвкушая какую-то неведомую для себя развязку, Филипп заметил, что в его ноги начала пульсировать кровь.

Тогда он поднялся вверх в часовую. Он прошёл к его рабочему месту, возле которого в полу находилась та самая дыра. Он нагнулся, и начал внимательно рассматривать комнату босса, приложив к дыре голову. После тщательного осмотра, внутренности комнаты снизу, удивляли едва ли не меньше, самой башни. Оставалось только догадываться, почему в настолько изящной, отделанной по всем архитектурным и дизайнерским эталонам комнате, существует небольшая дыра в потолке. Поднявшись, Филипп прошёл небольшой круг по мастерской.

Странно, но старика совсем нигде не было. Прождав ещё 30 минут возле своего рабочего места, Филипп уже думал уходить, но как то отдалённо услышал чьи-то приближающиеся шаги. В часовую комнату вошёл огромного роста человек в тёмном, элегантном костюме.

-Что вы здесь делаете? Вы вторгаетесь в частную собственность! Я сейчас немедленно вызову полицию!

-Й...й..я? Я здесь работаю. Я проводник, и сегодня должен был состояться мой второй полноценный рабочий день. Но когда я пришёл, никого в башне не было. Не было ни Николая Борисовича, ни начальника. Вот я и подумал, что может быть, я что-то перепутал, и лучше подождать здесь, наверху.

-Какой ещё Николай Борисович? Он никогда здесь не работал. Изредка здесь появляется лишь директор башни, который впрочем, и попросил мне дать объявление в газету.

-Да, пожалуй, мне говорили. Он приезжает сюда на обед.

-Нет, видимо вас дезинформировали. Приезжает на обед его сын, сам же начальник обедает в совершенно другом месте. Его расположение строго конфиденциально.

-Ну, а кто же вы такой, вы тоже здесь работаете?

-Нет, я лишь помощник сына директора, слуга если хотите.

-А как часто бывает в часовой башне сам директор?

-Обычно не чаще чем раз в год.

Тут Филипп совсем растерялся, он не знал, что и ответить. Он чувствовал себя виновным, словно за какое-то тяжело наказуемое преступление. Один взгляд этого человека источал услужливой агрессией (такой, которая по всем правилам этикета, чести, морали вполне разрешена, но пугает больше, чем какая-то либо другая, а именно от того наверное и пугает, что она давно легла в нашу систему ценностей). Немного помолчав, человек в костюме ближе подошёл к Филиппу, и скрупулёзно улыбнувшись, показал рукой на его рабочее место.

-Что ж. Пройдёмте, я покажу вам вашу работу. Впрочем, как я понял, кто-то объяснил это за меня.

Слуга помог Филиппу одеть крепления. Плотно затянув, человек в костюме, попрощавшись, ушёл.

-Подождите, а когда вы меня высвободите?

-Меня пошлют, когда истечёт время вашей работы, можете не волноваться.

На следующий день сын директора появился в часовой башни ровно в два часа дня. Он привычно вошёл в свой кабинет, сел за стол, перейдя тем самым к обеденному действию. Отломивши ногу запечённой курицы, он плавными движениями отправил её себе в ротовую полость. Через мгновение, он заметил, что на его кисти красуется небольшая капелька крови, которая, по-видимому, упала сверху. Посмотрев на потолок, он увидел расплывшиеся разводы крови, которые концентрируясь в определённых местах, бережно опускали разжиженные капли.

(Дадософ)

Новый псевдо-роман Джорджа Ворона.

Глава 1

"Если Кишинёв это большая деревня,
то я точно деревенский дурачок!"

Джордж Ворон

Люди смотрели на Евграфа как на больного, который был каплей мёда в расовом безумии.

Куда им было понять, что медведи улетают на север зимой, и что Евграф скакал за ними на диване набитом камнями? Когда они это поняли, было слишком поздно: Евграф стоял перед ними во всём костюме, диван вдыхал лед, засевший на их потных спинах. Это был театр...театр войны в астеносфере верхних слоёв нижней капусты из свинцового ящика. На Евграфе теперь висел плащ, и теперь он походил на царя бобовых. Люди рыдали, а конь оглянулся на ржущую физиономию.

Тут Евграф произнёс "Саями!" и с неба упал валун, который расплющил коня и ржущую физиономию. Он сказал "Камень!", в ожидании дождя, но с неба упал второй валун...Люди, увидев чудеса сотворённые Евграфом, сели на снег и стали внимать его воплям. Было холодно. Люди думали что так и надо. Вдруг, без всякого предупреждения, внезапно, откуда невозьмись, пришёл медведь! Тишина застучала, где-то случился эффект бабочки. Медведь встал с обратной стороны толпы. Евграф, полный решительности, вытащил из своей треуголки гармошку и кинул её в толпу. В ответ толпа вытолкала человека. Он дрожал от взгляда дивана. Евграф поднял руку и указал человеку на медведя. Человек подошёл к нему и, поднимая вынесенную кем-то гармошку, спросил "Да?". Медведь, во всём своём величии, со своими чёрными глазами, твёрдо сказал "Нет!", и несчастный начал наигрывать мелодию, от которой снег растаял, и выросли цветы. На другом

конце толпы усилилась вьюга. Евграф, довольный результатом, был в ярости. Заправив свою шубу в трусы, он развернул диван и усакал, оставив толпу на милость медведя, который стоял рядом с гармонистом и слушал музыку с важным видом.

Евграф скакал долго, очень долго. Он проскакал и бумажное море, и пенопласт. Он видел, как в шлюпке плывут праотцы, оплывая огромные куски стекла. И вот, на конец, стало тепло. Появились деревья, пальмы. Чёрный песок выращивал помидоры и картошку. Вот оно, первое человеческое поселение за долгое время!

Это поселение было грубым. Люди здесь делились на две категории: слепые и зрячие. Над поселением светил телевизор. Зрячие всё время стояли на месте и смотрели на него, а потом плакали от того что им выжгло глаза. Другие - слепые - задавались вопросами о том, где они, у кого дома провели прошлую ночь, и какого она была цвета. Действительно, какого она была цвета? Евграф понаблюдал за ними ещё немного и пошёл дальше, сказав, что усы исчезают в полночь. У него больше не было дивана набитого камнями, теперь у него было кресло напичканное рисом.

Приближалась ночь. Щека Евграфа стала краснеть, а в полночь, усы исчезли, и появилась борода. "Как-же я ем эти пистолеты!" закричал Евграф жалостливо. Огромная луна прятала за собой горы. На горе стояли двое с ослом, и луна была на их фоне. Они носили шапки Мономаха.

"Привет!" - сказала эхо. Евграф возмутился

"Тсс, эхо, не мешай людям говорить с ослом!" – возмутился Евграф. Стало тихо.

Фигуры с горы начали прыгать и махать руками, потом разбивались. Другие на них смотрели.

"Воскрес!" - подумало кресло.

"Истинно Иисус!" - подумал Евграф.

Произошло утро. Евграф развалился в кресле и уснул. Всю ночь фигуры жили на горе, на фоне вибраций, и это надо было обоспать. Когда Евграф вышел из эфира, он уже сидел на бревне. Шуба угнала кресло...или может кресло угнало шубу? Евграф не переживал по этому поводу, он знал что они в хороших руках. Теперь у него были только трусы, плащ и треуголка. Бревно было скучным, и Евграф ушёл. Он направился в выправлении направления. От холода тело забилося в конвульсиях.

Парто-Эластика кипел. На его дне мерцало больно. Абсолют засвистел, и в него бросили чайник. Чайник попал и разбил стекло. Свистящий абсолют завалил швейную машинку, от чего

пары испарения сбивали ежей в кучу, синеву с неба, а всех прочих – с толку. Слоны прыгали, а пироги выползали из книг. "Ничего необычного в этом нет, и зачем я так за этим наблюдаю?"

проштудил Евграф и натянул трусы на голову. Это было также естественно, как и вкусный сыр.

"Где небо, где небо?" - подойдя, прошептал один из слонов.

"Небо? Небо это там, где всё хорошо..." - ответил Евграф.

"Ты, наверное, о рае?" - спросил слон.

"О рае? Какая глупость! Нет, я говорю о непосредственном небе. Там есть валуны, которые падают по заказу. Почему, думаешь ты, медведи именно небом идут на север? Небом, а не поездом, и не кораблём...и не лампой. Да всё потому что, на небе есть всё, а если там есть всё, значит там всё хорошо! Подумай об этом".

Тут слон тоже посмотрел на путника как на здорового. Тело нервно билось в конвульсиях, в сторонке, в гробу.

"Тело, хватит биться!" закричал Евграф.

"Мне холодно!" ответило тело, и слон накрыл его кружкой гроба.

Раздались шумы, их надо было убрать но, не было ложки. Началась истерика. Жители Патро Эластика все вместе закричали, охнули и ахнули. Раздались думы.

"Что с твоими волосами?" - кто-то крикнул в дали.

"Болят!" - кто-то другой ответил.

Евграф смекнул, что лучше было не убирать шум но, дело было сделано. И неважно как он добрался до Парто-Эластика (а также как убрал шут без ложки), важно то, что город погрузился в хаос, от которого в Евграфе заиграло чувство смущения и голода.

Резиновая уточка горела...

Глава 2

"Какое дело Румынии

до полка?"

Екатерина Цуркану

Из земли засмотрела жёлтая труба. Она была жёлтой и смотрела на всё происходящее.

Евграф оседлал её и поплыл на ней к горе Норой-Йама. К сожалению, Евграф не доплыл до Норой-Йама, а только до простой ямы. Она была полна грязи и труба резко остановилась. Евграф, от остановки, полетел вперёд словно священник, сброшенный с крыши двумя лётчиками.

“Скажи мне, сынок, где твоё мясо?” - спросила его какая-то старуха.

“У меня его нет...” - твёрдо сказал Евграф, вставая и отряхиваясь.

“А я знаю, что происходит в Парто-Эластика, на Полюсном Севере, и вообще везде, куда ты приходишь. Но самое ужасное то, что ты потерял кресло и шубу!”

“И что же ты собираешься с этим делать?”

“Я? Я наведу тебя на путь истинный, на путь правильный, потому что везде, куда ты идёшь,

происходит неразбериха...»

«Неразбериха? А как же поселение с телевизором? Или гора, что прячется за луной?»

«Сам факт, что те места находятся в таком состоянии, уже говорит о том, что ты, и такие как ты – болезнь! Ты наверно думаешь, что ты первый такой?», продолжила старуха.

«А ты наверно думаешь, что ты инквизитор? Или может врач?»

«Нет, но я знаю, что я здорова, а ты – нет».

«Посмотри вокруг себя: разве может здоровый человек это видеть?»

«Я не поддамся на твои провокации! По-твоему: летающие медведи, жёлтые трубы - что плавают в земле, прыгающие слоны, и прочее, это не нормально?»

«Это абсолютно нормально, а ты, проиграла».

«Желаю и тебе быть нормальным!»

«Спасибо»

«И тебя туда же!» - заплакала старуха, вытащила из сумки шарик, и надув его, улетела в пространство.

«Параллели до сих пор не пересекаются» - подумал Евграф, не дойдя до экстаза.

Он пошёл дальше, дальше, мягче, тише, земля под ногами стала шёлком. Они завывали, что не слышат правым глазом, Евграф сказал им, чтобы они понюхали левым ухом. Понюхав, они успокоились. «Стойте! – всхлипнул кто-то – там идёт война! и Саша...»

«Мы не видим!» - заныли ноги, запели птицы и закричали кукареку те-же другие слоны.

«Откройте рты пошире!» - сказал Евграф. Тут им всё стало ясно.

Евграф подумал что это было странно что война развязана, но с другой стороны, кто её связал, и из чего, и гуманно ли это связывать что бы то нибыло? А что Саша? Ему разве нечем заняться, кроме как идти за войной? Нет, он и без того достаточно безумен... Крендель и звезда, и много-много розового. «Надо за ними проследить», закричал Евграф посреди всего прочего, и при всём параде, пошёл к ним. Они его приветствовали и рассказали свой план.

«То есть вы хотите пустить кучу пешек друг против друга, с их обоюдным поеданием, пока вы пустите флаги на портянки?» - спросил Евграф.

«Нет! Наш флаг не пустят на портянки! Или пустят? Нет! Его пустят не на портянки... на подстилки! Да, точно! И мы будем в них кутать древних ди-джеев!» - задумалась война.

«Логично» - проскрипел парад, а Евграф добавил.

«А значки будут?»

«Да!» - закричала война – «Сколько захочешь, всем по заслугам! Будут ходить все в значках, как бестолковая молодёжь в наитупейшей униформе!»

(Вопрос в номер: а какая версия больше нравится Вам?)

1) Евграф ушёл, парад распался,
С войной и Сашей, стон остался.
Удар от выстрела раздался,
Война прошла, а Саша сдался.

1) Евграф ушёл, парад распался,
С войной и Сашей, стон остался.
Удар от выстрела раздался,
Война прошла, а Саша сдался.

Евграф решил вернуться к толпе. Теперь он знал что кричать. И вот, он сказал «Земля!», и с небес упал валун. Он его раздробил, собрал в обивку, и поскакал. Новый диван был бодр и свеж. В течение пяти минут он доскакал до Полюсного Востока. Толпа ещё разлагалась на глазах у медведя. Медведь дал Евграфу новую шубу, едва зазрев его, на что Евграф ответил «Камень в квадрате и в кубе!». Тотчас-же с неба начали падать валуны. Он залез по ним на небо и принялся чинить порядок безумием.

Теперь и здесь всё будет хорошо...

Эпилог

"Логично, что нелогично"

Лиля

Кто-то проломил дыру в дверь:

«Я слышу, как ты думаешь!»

«А я слышу, как ты слушаешь...»

«Что?! Нет! Как?!»

«Так. А теперь уходи!»

Голоса спорили в голове Евграфа. На небе всё было слишком хорошо...

«Я призываю вас!» – прошептал Евграф, и тут-же образовались трое brutальных парней и...

Валера...? – «Вы - мои всадники! Заглушите голоса на небе, или я вернусь на землю!»

«Лады. Сделаем всё в лучшем виде!» - было их утверждение.

Голоса замолкли. Тут теперь хорошо и тихо.

Кубики бросаются только раз в год...

(Кишинёв, 2012 г.)

Голод.

События сливаются. История существует в качестве систематизированного знания, основанного на оценке произошедшего.

Всё упорядочивается и распадается.

И только наша собственная история параллельна.

Вкапываясь в суть индивидуальных сюжетов бытия, делая попытку найти хоть что-то объяснённое и растолкованное в качестве понятия, необходимо взглянуть назад. Но именно это действие и даёт ощущение непонимания, недосказанности.

Сделано ли нашими руками что-то новое? Скорее выдернуто из гладко отлаженной системы выборов.

Удовольствие-корм для культивированного и оптимистического отношения.

Тело дитя отделяется от тела матери с таким же безразличием, как оно будет отвергаться обществом всю последующую жизнь.

Слепой всегда простит рекам и морям их вид.

Автоматизация, есть не что иное, как потеря чувственности, осознания.

Массовое сознание способно превратить любую противоречащую её рамкам идею в рыхлую почву, в объект насмешек, либо исказить до предела массового восприятия.

Способность коммуникации – век людей. Усвоенная с первыми урокам морали, модель коммуникации диктует необратимую самосовершенствующуюся и самокорректирующую систему ценностей.

Верность.

Возможность перспектив.

Смех уникален в отличие от психологии смеха.

Технологии не дали ответов на необходимые вопросы. Они лишь заготовили ощущение, которые мы непременно будем испытывать, столкнувшись с ними.

Простая единичная истина не может быть усвоена массой, в отличие от идеологии.

Всё это по большому счёту похоже на нескончаемую футбольную игру. Те же тренеры, те же искусственно придуманные отношения для поддержки и стимулирования противоречий и интересов, те же короткие промежутки времени за которые нужно сообразить кому необходимо дать пас для того, что бы не стать осуждаемым своей командой игроков, для того чтобы не оказаться в центре бедствия. Существование вне игры – бесконечное отчуждение.

Сумятица даёт повод для вознесения жизни в эталон, превратить в само стремление, но не принести ничего нового, и тем самым обесценить.

В действительности, иерархичность мира увеличивается с каждым днём. Современный человек – человек занимающий иерархию сексуальности, этикета, поведения и т.д.

Когда-нибудь глаза ослепнут, но перестали видеть они уже сейчас.

Самосознание народа и его память давно превратилось в фетиш наравне с культом праздности

История подвержена автоматизации. Она обучает лишь тех, кто стал её частью.

Наша цель есть не само решение задачи, а нахождение как можно больших путей решений.

Роль плагиата до сих пор недооценена. Идеи совершенствуются, плагиат бесконечен, он породил самые выгравированные и утонченные идеи. Но сама мысль того, что ничего нового уже не будет, не означает то, что нужно стоять на месте.

Мельчайшие детали, факты, черты, порой куда более легко поддаются описанию, чем радикальные переломы диктующие путь будущего развития. Возможно именно потому, что мелочи составляют внутреннюю оболочку, которую только предстоит понять.

Задача этой краткой, обрезанной работы создать диссонанс, для того что бы донести всю иррациональную картину мира. Любое, по большей части, произведение после прочтения оставляет определенные целостные ощущения, и приводит читателя к каким то выводам. Здесь же каждая строка говорит сама за себе, и она не дописана ровно на столько, на сколько не дописана ваша история.

Так или иначе, наша жизнь - это глаза, которые не могут видеть. Уши, которые не могут слышать, и пальцы которые не могут ощущать. Но не что иное, как наша жизнь может дать слух, чувства и образы, несравнимое даже с реальным осознанием мира.

1. Всем пламенный привет! Для начала, пожалуйста, представьтесь. Кого как зовут и кто на какой позиции в группе?

О: Привет панки, меня зовут Саша, я играл на бас-гитаре, орал, звенел мудями!

В: Привет. Вова. Барабаны.

С: Привет, меня зовут Серёжа и я играю на гитаре.

2. Несколько слов о названии. Как я понимаю это песня Jerome's Dream?!

С: Да, это название песни Jerome's Dream, мы думали над названием и выбрали это, не помню почему и как. Озабот может помнит, или Володя.

О: Да, мы долго не могли придумать название для группы, первое выступление отыграли вообще без него, а между собой называли новоиспечённую группу "пятка" (до сих пор её так называем). Однако нам нужно было придумать что-то более-менее благозвучное. И вот как то раз, на ночь глядя, я слушал Jeromes Dream и читал текста, меня очень зацепили строки именно из этой песни, на следующий день я предложил ребятам назвать группу It's more like a message to you.

В: Сначала мы с Озаботом хотели назвать группу в честь какой-нибудь пиздатой порно-звезды, но все такие названия были уже заняты. Не удалось!:(

3. Как давно вы собрали группу и творчество каких коллективов особенно повлияло на ваше звучание?

О: Группа была собрана год назад. Хотя началом всей этой истории я считаю моё знакомство с Володей и Серёгой в 2009ом году и появление группы Squama, It's more like.. как бы вылупились из неё. В то время на меня очень сильно повлияли Orchid и всё те же Jeromes Dream. Но звучание во многом от Серёги зависело, музыку ведь писал он, а мы потом все вместе доводили её до ума.

С: Группе чуть больше года, если считать началом отсчёта первый концерт, то он состоялся 26 октября 2010. Кто повлиял, из самых таких... крутейших для меня? Могу назвать Shikari, Louise Cyphre, Danse Macabre, June Paik, Arse Moreira, Me And Goliath, Мища. Из наших отмечу My Son, My Home and My Tree. В основном я скримо слушаю, ещё Гостей из будущего и Руки Вверх.

В: Я слушаю дофига музыки, знаю и люблю вышеперечисленные группы. Но когда мы играли на первой репетиции, я не слишком думал о том чтобы стучать «как они», просто пиздошил от души.

4. В каких проектах были задействованы до этого?

С: Мы втроем играли в группе Squama, плюс ещё два парня (Лёха и Рома), мутили скримо с фортепиано, записей не делали никаких, дали два концерта, ну на этом всё и прекратилось, я думаю это всё можно считать основой становления It's more like a message to you.

О: С 2008 по 2010 год я играл панк-рок на басу в Slippers Eaters, сейчас ещё играю на гитаре в хардкор-панк группе Reminder.

В: В Squame на пианино играл, и был как девка.

5. Кто у вас пишет текста, о чем или о ком они?

О: Слова в основном писал я, кроме «Фантомов свободы» и ещё одной незаписанной темы — они полностью Серёгины, остальные песни основаны исключительно на моих переживаниях. Они о тех мыслях и помыслах, которые когда-либо возникали в моей голове. Непонимание, ложь, потери, одиночество, желание убить себя, желание плакать от счастья...старался вкладывать свои чувства по мере сил.

В: Текста я не писал, но помню что делались и переделывались они очень долго. Частенько на репетициях мы играли песни без слов.

О: Кстати, забавная история о том, как появился текст к песне «Кто тебе сказал». К нашему первому выступлению в ней не было ни строчки. Я знал, о чём хочу написать, но не мог толково наложить это на музыку. И вот уже стоя перед публикой я просто начал выкрикивать фразы, которые крутились в моей голове, получилось кривенько и невнятно местами, но я потом сидел в наушниках слушал запись с этого шоу и разбирал то, что буквально с ходу наорал.

6. Как проходил процесс создания записей для сплита с Aspergers?

С: Про это Озабот расскажет.)

О: Делали мы запись с июня по ноябрь примерно. Записывались на репетиционной базе, сводили у Володи дома. Часто затягивалось всё, откладывалось из-за разных обстоятельств. При этом мне постоянно писали ребята из Aspergers, у которых всё давно уже было записано и трясли с меня готовый материал, а мне приходилось успокаивать их от раза к разу, мол «шас-шас ребята, скоро всё сделаем, хотите на одной ноге постою как цапля...». Вообще сам процесс записи был довольно приятным, но вот сведение дико заёбывало. Володя единственный из нас кто более-менее шарит в программах для обработки аудиофайлов, поэтому все эти заботы рухнули на него. Под конец ему это совсем надоело, пришлось мне напрячь товарища и попросить его досвести песни. В итоге сделал он нам всё как надо, я был очень рад!

В: Ну благодаря тому, что мы такие блять ленивые и как доходит до дела у всех пуговички отрываются это было очень долго и мучительно. Как обычно думали что за месяц-два все сделаем - а хуй. Бежали с ноутбуком, психовали, срались, сводили, еще больше срались. Если бы не Озабот который постоянно нас дрочил, и Паша, который досвёл всё и сделал мастеринг, то ничего бы не было. Слава Вите, что все это закончилось!

7. Расскажите про свои выступления. Принимали ли вы участие в их организации?

С: Наши выступления короткие, делаем рок, стараемся, по крайней мере. Не то что бы я принимал участие в организации там чего-нибудь. Но помогал по возможности, колонки помню таскал, в гараже убираться помогал).

О: Ну у нас все музыканты принимают участие в жизни «сцены» в той или иной мере. Выступления были отличными, очень запомнилось последнее шоу на «день вегана» в офисе у нашего товарища, и в гараже рублились неплохо. Меня очень радует обратная связь с публикой, почти на каждом выступлении я просил всех кому интересно подойти как можно ближе, при этом сам старался выкладываться по полной. Прыгал, бегал, трясся, потел как шлюха, и мне было безумно приятно видеть перед собой людей, которым всё происходящее так же по кайфу, как и мне!

В: Самое первое шоу было охуенным, и играли мы на нем лучше, чем когда либо. Постоянный страх лажануть убивает все чувства во мне. Раздражали немного люди, которые вообще непонятно зачем на панк-концерт приходят. На музыку им всё равно, приходят как будто в клуб на дискотеку еблом пощелкать и языками друг с другом почесать. А пока кто-то пытается высказаться, душу в микрофон излить они петросеют глупые шуточки. Противно всё это пиздец как. Спасибо ребятам, которые действительно слушали и пытались понять нас.

8. Как относитесь к таким идеям как анархизм, права животных, феминизм, гомофобия и т.д. и т.п.?

С: Анархизм мне близок, вегетарианцем или веганом не являюсь, но считаю, что можно лишний раз никого не убивать и обойтись и без шубы, например или шапки из меха. Не могу сказать что я оголтелый анархист или борец за права животных. Феминизм, я считаю, пережиток прошлого, в нашей стране права у женщин и мужчин равны, насколько я знаю.) Гомофобия это глупо, ненавидеть людей за то что они не такие как все, это ,повторюсь, глупо.

О: Я сХе и вегетарианец около пяти лет. Симпатизирую различным левым идеям. А вот феминисток я не совсем понимаю, борьба с гендерным неравенством зачастую граничит с полнейшим идиотизмом. Мне кажется, подобные движения должны развиваться не в Европе (где они в основном как-раз цветут и пахнут), а в странах, в которых патриархат до сих пор имеет чудовищные и уродливые формы, по причине того, что люди слепо и безукоризненно следуют своим диким традициям.

В: Я не хотел бы писать о своих убеждениях, ибо всем похуй.

9. Много ли людей, которые искренне вас поддерживают?

С: Родители, моя девушка, друзья конечно же. Не слишком много, но достаточно.

В: Нет.

О: Мама, Юля - моя девушка ну и панки местные.

10. Каким-нибудь творчеством помимо музыки занимаетесь?

С: Помимо музыки нет, рисовать я не умею, танцевать тоже, ну а фотографов сейчас и так много.:)

О: Раньше очень любил рисовать, получалось неплохо, но потом талант этот был проёбан.

В: Пишу девушке по смс матерные стишки о любви.

11. Пару строк о вашем городе?

С: Мы живем в городе под названием Ангарск, это недалеко от Иркутска. Здесь девять месяцев в году зима, больше ничего сказать не могу.

О: Небольшой, но местами даже красивый город. Ходить по улицам порой опасно, но я привык.)

В: Живём маленьком городе, в нем почти ничего интересного нет, но жить можно.

12. Каким бы вы хотели видеть этот мир?

С: Справедливым.

В: Каким бы ни хотел, ничего не изменится.

О: Я бы хотел, чтобы люди были другими. Может быть чуть менее глупыми и жестокими..

13. Большое спасибо, пару строк на прощание...

В: Спасибо за проявленный интерес, не ожидал.

С: Всем пока, слушайте рок.

О: Вам спасибо за моё первое в жизни интервью!) Удачи, берегите себя!

Ну, для начала как во всяких, этих ваших знах, стандартный вопрос. Почему так называется ваша группа и что с собой несёт, когда и в каком городе образовались?

Привет!!! Я уже не помню почему мы так назвались, но как понимаю, что чтобы мы не делали все сводилось к нулю, не было никакого прогресса. Образовались мы в Лайдок сити (секретное место, об этом ниже).

Назовите, расскажите о самых провальных вписках(можно топ 10), турах или концертах на которых вы побывали, сыграли, поучаствовали?

Хах! Ну таких нет. За все наши годы, все выезда вписки были шикарны. Жаловаться было не на что, да и не по панк року это ныть о неудобстве.

Кто у вас пишет текста? о ком и о чем они? Какие группы повлияли на ваше творчество??

Текста пишут все. Пишем о личных переживаниях, о всем том что нас волнует (ну это понятно), ничего лишнего, ничего пустозвонного, все от чистого сердца и разума. Группы, которые на нас повлияли:

Discharge, T.E.D, Totalitär, Distress, Tragedy, Iskra, Beton, Bombstrike, Wolfpack-Wolfbrigade, Madame Gernem, Ictus, Alpinist, Ekkaia, november13th, Downfall Of Gaia.

Как вы относитесь к легализации?

Не употребляем.

Не для кого не секрет, что много жанров независимой музыки (не обошел стороной и ваш жанр, к сожалению) время от времени нахватывает волна моды среди так называемых псевдопанков. Как вы к этому относитесь? Что нужно с этим делать (если нужно)?

Ну а что с этим делать?! Пусть повышают свои "котировочки", вешают ярлыки и ебашут «тру панк рок». Они как были, так и останутся говнярами, с тем же самым говном в голове. Тут ничего не сделаешь, а нашивку амебикс каждому на штаны еще.

Хотели бы вы съездить из сранной рашки?

Захар: я бы хотел свалить на пару месяцев, прочухать как там за бугром. Куда-нибудь на сквоты во Францию или же в финку.

Считаете ли вы себя политизированной группой? Проявляете симпатии к каким-то политическим идеологиям и т.д.?

Считаем, практически каждый из нас поддерживает в той или иной степени анархизм, антифашизм, экологические проблемы, так или иначе занимаемся движухой и всячески поддерживаем на том уровне, каком можем: музыкой, действиями, арт. проектами и т.д.

Главное понимать и осознавать для чего ты это делаешь.

Расскажите что-нибудь про свой город.

Мы все в разных местах живем.

Северодвинск: оттуда родом наш гитарист и вокалист, город в прошлом закрытый до 93 года, так что там провал в некоторых районах. До сих пор дух 90 чувствуется, есть движуха, небольшая, мош пацаны, скины красные и шарпы, панки. Есть белое море, пляж, дюны, поморские девочки.

Другие члены группы живут в Архангельске. Это большой, красивый город, с речным вокзалом, с барами на воде и клубами, там наша сцена: Архангельск хардкор крЮ или 29 НС. Гиги там же проводим.

Ну и наконец, то место откуда появилась группа: Лайдок сити (фольклорное название среди Хк сцены, на самом деле это Лайский Док, поселок, построенный на берегу реки, на которой был основан судоремонтный завод или СРЗ). Точнее сначала там был только завод, а потом поселок построили. Маленький такой поселок, все друг друга знают, с 2008-2010 проводили гига в местном ДК. Эти концерты отличались от всех других диким морем позитива и угара, с непревзойденными шоу. Там же была основа DIY студия под названием СобакаЛаетНеКусает рекордс. Успешно было записано более 10 групп (а может больше или меньше).

Лайдок сити это место, которое стало культовым для всей нашей сцены. Оттуда вышли много новых коллективов. Именно там дебютировали разные команды нашей сцены, самая известная из которых это Лопатка.

Если брать зарождения, то это 2004-2005 год, все началось с двух групп Middle Class Bastards и Drill Bit.

Когда наша группа влилась в сцену, мы предложили ребятам играть в Лайдокском ДК. Все согласились и начались гиги. Аренду мы никакой не платили, за свет не платили. Все было на халяву, так что проблем не было с выступлениями.

Ну а потом, на одном из гигов, когда наш моб продвигался к дк, пацанами был замечен местный алкобон, с его шестерками. Никто не успел предупредить, что бон никакой угрозы не представляет, ну и накрыли их. В итоге бон не успел собрать народ, и нам повезло. Так бы пизда рюлю была, пацаны на машинах со стволами и т.д (братва так сказать). Затем было принято решение оставить это дк, и больше не проводить там концертов, из соображений безопасности.

Пояснительная записка

1. *Доброго времени суток! Ребят, представьтесь и дайте понять who is who в группе)*

Привет! Мы- Пояснительная Записка. Два простых парня с окраин города Кострома. Вокалист-гитарист и вокалист-барабанщик. Влад и Юра.

2. *Ну а теперь вводный курс: как собралась группа и почему такое название?*

Всему виной, наверное, максимализм, или то, чем его сейчас называют. Как и у каждого из нас-мечта изменить мир, или хотя бы сделать его лучше, на собственном примере, или нет-не важно. Собрались мы в 2010 году. Просто пришли на репетиционную точку и начали играть вдвоем. Всё происходило спонтанно, музыка рождалась каким то невероятным образом. Я еще тогда фотоаппарат с собой захватил. Так, кстати, первые записи появились. А название пусть каждый сам поймет. Быть может это «мой гимн человечеству», может быть это надежда на справедливость в устно-письменной форме?-Я не знаю.

3. *Какие основные концепции и проблемы отражает ваше творчество?*

В современном обществе всё перевернуто. К примеру бухать и спать друг с другом считается нормой и даже поощряется. Мы хотим вернуть всё на свои места, вернуть словам свой первоначальный смысл. . Словом- нести свет во мраке грехов человеческих.

4. *Как происходит процесс написания песен (и музыка и слова)?*

Музыка, как я уже ответил, рождалась спонтанно, а тексты-в результате внутренних конфликтов. Они как то сами ложились на музыку,

5. *Какие планы на будущее? Может быть маленький тур?*

В данный момент-мы не играем, но собираемся сделать запись, так что о туре пока что говорить нечего.

6. Как вообще у вас с суппортом?

В Костроме с подобного рода музыкой дела обстоят неблагоприятно. Есть несколько групп, но лица одни и те же(к примеру я играл где то в четырех одно время).Но какие то идеи, в которых я к настоящему времени разочаровался и отошел немного в сторону, наш городок только начинают посещать.

7. Ну а теперь поделитесь своими любимыми группами из-за бугра и из рашки.

Бесчисленное множество. От youth crew до эмо 90ых.От фолк рока до пост-метала.

Последнее время в плеере из зарубежных: have heart,envy,champion,chuck ragan, tim vantol, todos caeran, daitro, castevet.

Фортепианная музыка последнее время нравится. Очень советую fabrizio paterlini,ludovico einaudi.

Из рашки sen deni, rusk remo, reka, memorials.

8. С кем бы вы хотели разделить сцену?

Да нечего её делить. Её уже итак вдоль и поперек переделили)

9. Чем вы ещё объедены в жизни помимо группы.

Я учусь в университете, подрабатываю где придется(в данный момент фотографирую),Юра закончил техникум, сейчас подрабатывает, собирается поступать в университет.

Мы служим в протестантской церкви(Я занимаюсь кормлением бездомных+гитарист и вокалист в группе прославления, Юра-барабанщик) Сразу же отвечу на вопрос о религии. То что в современном мире значит понятие религия-это ужасные вещи. Мы видим вокруг православных попов на джипах, священников-насильников, строя некие проекции в уме «Так, всё везде куплено, за всем стоит насилие, ложь, лицемерие, это средство для манипулирования людьми, а Бога во всем этом нет, Его вообще нет»

Пример из жизни:

Моя мама, когда мне было лет 10, работала барменом в кафе неподалеку от православной церкви, священники под вечер после работы приходили в заведение, брали коньячок, напивались и приставали к официанткам. Для меня это был переломный момент по отношению к религии.

Но со временем у меня появилась четкая точка зрения по этому поводу.

Нельзя говорить о религии смотря на людей. Ведь глядя на лицемеров, грешников, убийц и обманщиков мы не делаем вывод, что всё человечество такое. У нас есть первоисточник-библия. Там очень всё здорово написано .Вот мы все боремся с системой, а ведь две тысячи лет назад Один Парень эту систему сломал, правда Ему пришлось за это умереть. А мы стоим на месте и боимся сделать шаг.

10. Автостопом гоняете?

Не без этого. На лето планируется несколько путешествий.

11. Посоветуйте каких-нибудь авторов или книги.

Рэй Брэдбери очень хорош. «Сэр Гибби» Джоржа Макдональда в данный момент читаю-очень нравится.

12. Немного кулинарии) Какой-нибудь вкусный рецепт будьте добры.

Вода, бананы и халва)

13. Большое спасибо, пару строк на прощание...

Уклоняйтесь от зла и наносите добро. Не оставайтесь в темноте, идите к свету, Ищите мира во всем. Не теряйте значение слов-это очень важно.

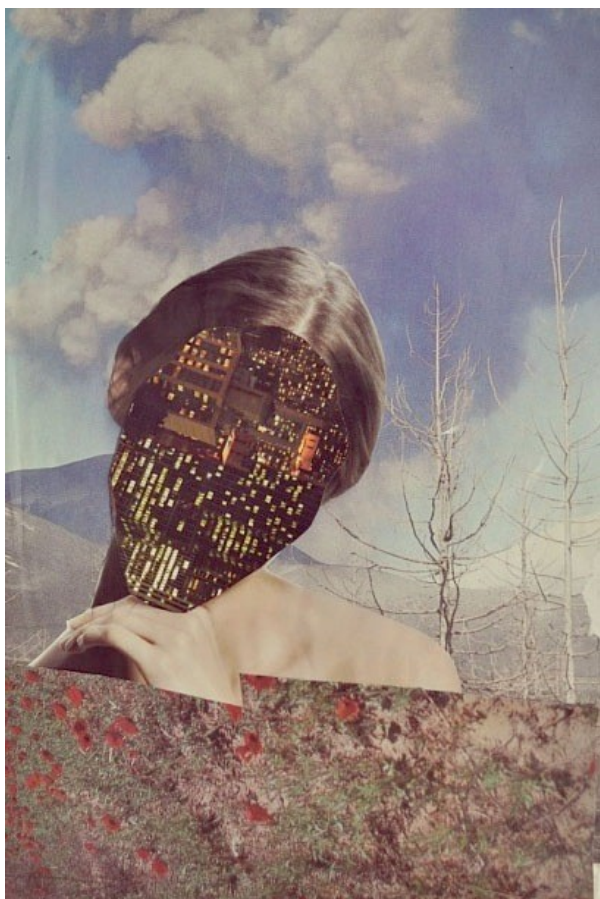
РАЗДЕЛ: СТИХИ

Тело устало и просит отдыха
но мысль не так инстинктивна
в смысле самосохранности,
у дали презрение к желанию глаза
всматриваться в крайности
своих озаглавленных ровными крышами суток.
С позиции внутренностей маршруток
лучше было-бы написать о том
как бляха часов опрятным пятном
под верхом чердачной остроты,
блестит,
отражая мое умиление
пейзажем февральской мокроты,
в сказочном мире бездушных огней,

где новые повороты
начинают свои измерения времени
светом и тенью,
что тоже похожи на стрелки
часов отбивающих ноты
предсумеречной зевоты,
и тем исключают сказку
в сбитой картине явлений
взяв во внимание время
и того старика лет сорока
бормочущего на а -
кама, аула, афала, амеса.,
местного Мелькиадеса
с тоном пророчества в голосе
сжатыми спазмами смеха
окруженного почестями
в статусе умалишенного
волшебника изумрудного города
выжившего, но обреченного
на фениксовское стремление.
Нет в этом сказки , нет.
это больной в маршрутке
это обычный вечер виденный сотни раз
кем-то и мною в частности
выведенный на случайности
втиснутый в форму системы
смазанных красками фраз
что разобравши не могут
вспомнить порядок конструкции
виденной только в профиль
но никогда в анфас.
внутри.
кривой извилины

с архитектурными сводами
речкой, полями, заводами,
мыслимыми законами тоже
о чем-то мечтать
хоть и в пределах места
липких кварталов теста
что есть по сути средство
мыслить и представлять.
Или холодными днями
вид одиночества дали
серые вены бордюров
глупым словам рассказали
Андрей Страту

человеческое сердце пудами мыло ело
теперь в нем больше жира
теперь в нём больше снега
разлагаются щеки в кассах

империи текут по канализациям
в каждом говне есть частичка меня
дети! посмотрите на карту
горькая водка нигилизма
связала всё в камень почечный
кровать ноутбук ноутбук кровать
бумажная жизнь оказалась досрочной
пятна на подушке от зубов наждачных
вдруг напомнили что то прозрачное
все мы далеки от космоса
но только кто-то его на себе тащит
зарядка работа время постулаты
мытьё посуды деньги жизненные траты
новая книга бумага сколько целлюлозы
странное чувство туалет кажется поносит
улица в огне и табачная стужа
кратеры вселенной ночное море лужа
себя найти на помойке остатки
прожить всё заново вероятностей закладки
лестницы следы двери карусели
на курок нажав веском в жизнь свято веря

Александр Дандан

кровавый бог, кровавые создания
раскайся выходные в мае
перебродивший городок бесплодный
голод вечно голодный
сеть ловит дух в обмане
и снова выходные в мае
игрок азартных игр азартен бог
минус 6 миллионов черт не повезло

Александр Дандан

чтобы сделать слепок зубов
в рот суют медицинскую глину
вот и я пришёл,

только он уже ей набитый

Александр Дандан

У той музыки печаль

и дикие крики

добродушных родных дикарей,

преломлялись динамиком в ветер,

перекошенный всхлип дождей,

глубину океана , покой небес,

содержание правдивого взгляда

мне дает направление,

вдоль разрез

пустит старую кровь куда-то,

где уже не горит костер

ожиданий ленивых приказа,

где зарыто в землю больное ребро

развалившегося каркаса,

по опасной дороге в короткий день

не сворачивая обратно,

будет падать под ноги скупая цель

но у шага немая хватка,

схватит в зубы тоску по святой

неизвестности мира

и возьмет верный курс на звезду

что по волнам пилила

песню новых созвездий

под гитарный бой дикого севера

с твердой массой скалы

разделяя свои убеждения,

ее след еще есть, еще тепл

у озерного берега

где на тонком стволе буквы Р,е,т,д,

станут видом безродного дерева.

Ваш бог это искусство,
Искусство - умерло давно...
И где ваш бог теперь,
Вы, унылое гавно?

Умер ваш бог, теперь его нет,
Вы умерли сами, едва родившись...
Человек это бог, человек это искусство,
Живой человек? Какое кощунство!

Джордж Ворон

